

© 2020 г.

Н.Н. КАРМАЕВА, Т.Е. ХАВЕНСОН, П. ИЛИЕВА-ТРИЧКОВА

## ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС: СГЛАЖИВАНИЕ НЕРАВЕНСТВА СРЕДИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ

---

КАРМАЕВА Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, PhD, доцент Института образования НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (nkarmaeva@hse.ru); ХАВЕНСОН Татьяна Евгеньевна – кандидат наук об образовании, научный сотрудник Института образования НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (tkhavenson@hse.ru); ИЛИЕВА-ТРИЧКОВА Петя – доктор, исследователь Института философии и социологии, Академия наук Болгарии, София, Болгария (petya.ilievat@gmail.com).

---

**Аннотация.** В условиях изменений в сфере образования и занятости в России на рубеже XX–XXI вв., расширения сервисных секторов и активного участия в высшем образовании механизмы воспроизводства социального неравенства меняются. Согласно теории интерсекциональности, социальные преимущества воспроизводятся на стыке различных социальных категорий – социального класса, гендера и других. В статье проанализированы результаты в образовании и на рынке труда с использованием этой теории. На данных Европейского социального исследования по 3820 респондентам, 1954–1964, 1965–1975 и 1976–1986 годов рождения из раундов 3–6 и 8, были проверены гипотезы о наличии кумулятивного эффекта от гендера и социального происхождения в случае полученного уровня образования (высшее образование) и социально-профессионального статуса на основе регрессионного анализа. Наблюдаются прямые положительные эффекты от гендерной принадлежности, а также кумулятивные от пересечения женского пола и более низкого социального происхождения. Положительный кумулятивный эффект наблюдается вне зависимости от спецификации социального происхождения, однако он значим только в случае спецификации на основе профессии отца. Таким образом, женщины в большей степени выигрывают от изменившихся возможностей в сфере труда и в образовании по сравнению с мужчинами. Однако женщины из менее привилегированных социальных слоев с более низким социальным происхождением могут пополнять ряды работников в менее престижном и оплачиваемом сегменте сферы обслуживания.

**Ключевые слова:** социально-профессиональный статус • теория интерсекциональности • образовательные достижения • социальное неравенство • постсоветская трансформация • Европейское социальное исследование

DOI: 10.31857/S013216250008811-5

---

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100»; проекта «Динамика неравенства в участии в высшем образовании и образовании взрослых: сравнительный анализ в перспективе социальной справедливости» – JustEdu (2020–2024), Национальная научная программа Вихрен Национального научного фонда (КП-06-ДВ-2, 16.12.2019), Болгария.

Авторы благодарят редактора и рецензентов за помощь в подготовке публикации и ценные замечания.

В последние десятилетия увеличивалась доля женщин среди выпускников вузов. В настоящее время вероятность получения высшего образования у женщин выше как в России [Капелюшников и др., 2011], так и в западноевропейских странах [Minello, Blossfeld, 2017; DiPrete, Buchman, 2013; Wilson et al., 2011]. Изменения в сфере образования сопровождаются изменениями в структуре занятости [Зубаревич, 2008]. Исследователи все чаще говорят о десегрегации в сфере занятости и расширении возможностей для женщин [Brynin, Perales, 2016]. С 1990-х гг. наблюдался рост занятости преимущественно в «женских» секторах, например в сфере обслуживания, на позициях «белых воротничков», где требуется высшее образование, в то время как занятость в традиционно «мужских» производственных секторах и среди «синих воротничков» и инженеров снижалась [Ястребов, 2016]. Одновременно с этим росла и экономическая отдача от высшего образования для женщин [Kyu, 2016].

Зарубежные исследования показывают, что это сказалось на образовательных и профессиональных достижениях мужчин и женщин – выходцев из менее привилегированных социальных слоев. Расширение возможностей в этих сферах в ряде стран способствовало восходящей образовательной и профессиональной мобильности женщин из менее привилегированных социальных слоев, чего не наблюдалось в случае мужчин из тех же социальных слоев [Bar-Haim et al., 2018]. Хотя женщины и демонстрируют значительные успехи в образовании, они заняты преимущественно в сервисных секторах, где качество рабочих мест ниже с точки зрения статуса и уровня оплаты труда [Blossfeld et al., 2015].

Достигнутый социально-профессиональный статус и уровень образования во многом определяются социально-экономическим положением семьи [Blau, Duncan, 1967]. Современные исследования показывают устойчивость этой взаимосвязи в России [Gerber, Hout, 2004; Kosyakova, Gerber, 2019; Borisov, Pissarides, 2016] и за рубежом [Bernardi et al., 2018]. Кроме того, гендерная специфика ожиданий формирует эффект самоотбора: мужчины и женщины, несмотря на уровень их образовательных результатов, отдают предпочтения либо традиционно «мужским» (например, на производстве), либо «женским» профессиям и сферам занятости (например, в сфере образования) [Мальцева, Рощин, 2006]. Это сказывается на их положении на рынке труда.

Большинство исследований, построенных на российских данных, имели целью проанализировать динамику социального неравенства в контексте постсоветского перехода ([Gerber, Hout, 2004; Ястребов, 2016] и др.). Единицей анализа выступали отдельные группы, выделенные на основе социально-профессиональной принадлежности или уровня образования (напр., [Константиновский и др., 2014]). Различиям внутри групп – в эффектах для мужчин и женщин – выходцев из семей с разным социально-экономическим статусом, не уделялось достаточного внимания. Кроме того, более молодые когорты не были достаточно изучены.

В статье мы рассматриваем социальные группы мужчин и женщин 1954–1986 годов рождения разного социального происхождения и анализируем вероятность получения ими высшего образования, а также вероятность попадания в группу с высоким социально-профессиональным статусом. Цель – проанализировать различия в участии в высшем образовании и в использовании возможностей в сфере труда среди женщин и мужчин с разным социальным происхождением. Это позволит выяснить, усиливает ли гендерная принадлежность эффект от социального происхождения.

**Неравенство и его эффекты для мужчин и женщин.** Расширение возможностей в сфере образования и на рынке труда для женщин можно объяснить по-разному. С позиции теории человеческого капитала рост в так называемых женских секторах занятости и профессиях обусловлен переходом к постиндустриальному типу экономики [Беккер, 2003]. Это сопровождается профессионализацией женских сфер занятости – в основном, в сфере обслуживания. Женщины принимают решения в пользу поступления в вуз, оценивая свои потенциальные возможности на рынке труда после окончания обучения и альтернативные издержки (т.е. доход, который они получили бы, если бы предпочли

работу по найму продолжению образования). На момент выхода на рынок труда их более высокий уровень накопленного человеческого капитала способствует достижению более высокого статуса в социально-профессиональной структуре [Grusky, 2001]. Таким образом, женщины из менее обеспеченных социальных слоев получают преимущества в сфере образования, которые транслируются в более высокие результаты на рынке труда.

С позиции концепции о максимально поддерживаемом неравенстве [Raftery, Hout, 1993], наиболее привилегированные группы стремятся сохранить свой статус-кво. Поэтому возможности для представителей менее благополучных слоев открываются только тогда, когда происходит насыщение в достижении определенного уровня образования среди представителей наиболее благополучного социального слоя [Bar-Haim et al., 2018]. Это означает также, что значимость этого уровня образования в воспроизводстве социальных преимуществ снижается. Как показывают недавние исследования, от расширения возможностей в сфере образования выигрывают именно женщины – выходцы из менее благополучных социальных слоев. Причины тому – их оптимистичные ожидания относительно будущих возможностей на рынке труда, более высокие академическая успеваемость и мотивация к обучению [там же]. Растет доля женщин, которые занимают рабочие места, требующие высокого уровня квалификации [Brynin, Perales, 2016].

Теория человеческого капитала и концепция о максимально поддерживаемом неравенстве не учитывают гендерные особенности тех возможностей, которые открываются для выходцев из менее привилегированных социальных слоев. В то же время теория интерсекциональности рассматривает роль гендера в процессах социальной дифференциации в образовании и в сфере труда [Темкина, Здравомыслова, 2017; Tartakovskaya, Ashwin, 2006; Cho et al., 2013]. Согласно ей, гендерная принадлежность может как воспроизводить социальные преимущества, так и усиливать негативный эффект от неблагоприятного социального положения. Есть два основных понимания интерсекциональности, которые объясняют механизмы воспроизводства неравенства. Согласно первому, неравенство формируется на пересечении групповых идентичностей – гендера, класса и других социальных характеристик, которые определяют образовательные и карьерные ожидания. Этот подход рассматривает проблему неравенства на уровне индивидов. Согласно второму подходу – это пересечение деприваций. Таким образом, фокус смещается на уровень социальных структур. Например, определенная социальная группа может испытывать депривацию одновременно в уровне здоровья и в образовании [Samman, Roche, 2014]. Каждый аспект определенного преимущества или депривации генерирует как новые преимущества, так и новые формы депривации. Эти элементы пересекаются [Weldon, 2006: 242]. Мы используем первый подход как более соответствующий нашим исследовательским задачам.

Индивиды формируют множественные идентичности – на пересечении гендера, класса и других социальных характеристик, которые определяют их образовательные и карьерные ожидания, в соответствии с представлениями о мужской или женской работе. Так, профессии в образовании и в сфере обслуживания традиционно воспринимаются как «женские» сферы труда [Guo, Newman, 2004]. Традиционно «мужские» сферы занятости – производственный сектор, строительство и ряд других.

Представления о «мужских» и «женских» сферах труда в обществе организованы иерархично и пересекаются с классовой идентичностью [Walker, Roberts, 2018: 5]. Они характеризуют то, как работодатели, клиенты и сами работники воспринимают определенные навыки и характеристики женщин и мужчин из разных социальных слоев.

Эмпирические исследования в рамках теории интерсекциональности анализируют не только дополнительные эффекты от демографических категорий (например, гендера, этнической принадлежности, социального класса), но и то, как пересечение этих категорий связано с достижениями индивидов [Dubrow, 2008: 86]. Исследований, учитывающих пересечение различных форм депривации в образовании и в сфере труда, в России немного. Можно отметить теоретические обзоры [Гаврилюк, Бочаров, 2018] и исследования рабочего класса [Уокер, 2012; Vanke, 2018; Андреева, Лукьянова, 2018].

Принимая во внимание теорию интерсекциональности, мы формулируем следующие гипотезы:

H1: женщины с происхождением из более низких социальных слоев имеют больше шансов получить высшее образование, чем мужчины из этих же слоев<sup>1</sup>;

H2: женщины с происхождением из более низких социальных слоев достигают более высокого социально-профессионального статуса, чем мужчины из этих слоев.

Проверка гипотез позволит ответить на более общий вопрос о том, в какой степени пересечение социальных идентичностей внутри групп по полу и по происхождению взаимосвязано с достижениями индивидов – их уровнем образования и социально-профессиональным статусом – в современных российских условиях.

**Данные и методика исследования.** В исследовании были использованы данные Европейского социального исследования (ЕСИ) (2002–2016)<sup>2</sup> по России. Отобраны когорты респондентов, родившихся в 1954–1964 гг., 1965–1975 гг. и 1976–1986 гг. (соответственно когорта 1, когорта 2 и когорта 3), в возрасте от 22 до 56 лет на момент обследования, в разных раундах (3–6 и 8 раунды – 2006–2012 и 2016 гг. соответственно). Таким образом, мы использовали объединенную базу исследования, в которой были выделены российские респонденты и затем отобраны в каждом раунде на основе ответа на вопрос о годе рождения. Подобный дизайн выборки широко используется для анализа социальной мобильности на данных Европейского социального исследования [van Hek et al., 2016]. Именно они были в наибольшей степени затронуты кризисом 1990-х гг., когда значительно выросла доля занятых в торговле, аккумулировавшей работников, высвобождаемых из промышленности, и экономическим ростом 2000-х, когда роль услуг в структуре занятости продолжала расти [Зубаревич, 2008]. В этой меняющейся среде формировались притязания выпускников и ожидания работников.

Использованы переменные, которые характеризуют достигнутый индивидом уровень образования и социально-профессиональный класс, социально-профессиональный класс родителей, проживание в сельской местности и принадлежность к этническому меньшинству. Среди них следующие: уровень образования индивида закодирован как бинарная переменная, где 1 означает наличие высшего образования, 0 – отсутствие высшего образования (вопрос в анкете «Какой наивысший уровень образования вы получили?»). Социально-профессиональный статус индивида перекодирован на основе шкалы ISCO 2008 и вопросов о характере занятости с использованием шкалы Oesch в четыре основные категории – «высокий сервисный класс», «низкий сервисный класс», «владельцы небольших предприятий» и «рабочие» [Oesch, 2006] (вопросы: «Каково ваше положение на вашей основной работе?»; «Сколько у вас (было) наемных работников, если они у вас вообще есть (были)?»; «Скажите, пожалуйста, как называются ваши должность и профессия, по которой вы сейчас работаете (работали)?»; «Что именно вы делаете (делали), какую работу выполняете (выполняли) большую часть времени на своей основной работе?»).

Шкала социально-профессионального статуса была построена с использованием принципов организации трудового процесса: технических, организационных и межличностных [Oesch, 2006]. В рамках каждой группы принципов выделялись такие характеристики, как условия труда, положение рабочего места в организационной иерархии, трудовая ориентация (на профессиональное сообщество, организацию-работодателя, клиента), что позволило структурировать работников по группам. Так, в низкий сервисный класс вошли техники (например, компьютерные помощники), менеджеры/администраторы (например, младшие финансовые менеджеры) и специалисты в сфере культуры и социального обслуживания (социальные работники) (подробнее см.: [Oesch, 2006]). Эта

<sup>1</sup>Здесь и далее речь идет о выходцах из семей, где отец или мать – рабочие.

<sup>2</sup>См.: URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 08.09.2018). Норвежский центр исследований данных. Европейское социальное исследование 2002–2012. Data used: Norwegian Centre for Research Data. European Social Survey (ESS) Rounds 3 (2006); 4 (2008); 5 D (2010); 6 (2012); 8 (2016).

схема в большей степени соответствует современным реалиям, поскольку смещает акцент с вертикальных различий в сторону горизонтальных. Так, средний класс наемных работников не рассматривается в качестве единой однородной группы, а разбивается на «низкий» и «высокий» сервисные классы в соответствии с различиями в характеристиках труда (сравн.: [Western, Wright, 1994]). Представители «высокого сервисного класса», по сравнению с «низким», занимают более авторитетные позиции, например, имеют подчиненных, могут контролировать трудовой процесс и имеют достаточно высокий уровень автономии в труде [Oesch, 2006].

Использовались ретроспективные ответы индивидов на вопрос о профессии их родителей на момент, когда им было 14 лет (вопрос «Кем работал ваш отец/мать на его/ее основной работе?»). Была создана бинарная переменная «отец – рабочий» и «мать – рабочая» на основе шкалы ISCO 2008.

Данные об образовании родителей не использовались: именно ретроспективный вопрос о профессии родителей позволяет получить наиболее точную информацию о социально-экономическом положении семьи [Engzell, Jonsson, 2015]. Обсуждается, использовать ли характеристики отца или матери для измерения социального происхождения. Мы сделали анализ отдельно с использованием переменной, построенной на основе данных о профессии отца (если неизвестно – матери) и отдельно – матери (если неизвестно – отца).

В нашей выборке, куда вошли 3820 индивидов, более половины составляют женщины. Средний возраст респондентов – 39 лет, 15% относят себя к этническим меньшинствам, а 20% проживают в сельской местности. К группам «высокий сервисный класс» относятся 16% мужчин и 20% женщин, «низкий сервисный класс» – 12 и 26%; «владельцев небольших предприятий» – 8 и 4%; «рабочие» – 64 и 50% соответственно. Из числа вошедших в нашу выборку 67% мужчин и 58% женщин имели высшее образование. Статус «рабочий/рабочая» имели отцы 74% женщин и 75% мужчин, матери 28% женщин и 58% мужчин.

В группе «низкий сервисный класс» женщины заняты на таких позициях, как специалисты в области права, в социальной сфере и в культуре (8,6%), например техники галерей, музеев, библиотек (3,2% – здесь и далее процент от нашей выборки по группе «низкий сервисный класс»). Специалисты в сфере образования (9,8%): преподаватели СПО, школьные учителя, работники начального образования. Бизнес- и административные специалисты (5,3%), например агенты по продажам и закупкам. Офисные клерки и секретари (7,0%). Специалисты в области здравоохранения (3,9%): медицинские и фармацевтические техники, медсестры, акушеры, ветеринары, ассистенты стоматологов. Специалисты по обслуживанию клиентов (2,9%), например ресепшенисты.

Для оценки уровня образования использована пробит-модель. Зависимая переменная была номинальной и принимала два значения: 1 – наличие высшего образования, 0 – отсутствие высшего образования у индивида. Для анализа социально-профессионального статуса индивида мы использовали мультиномиальную логистическую регрессию. Зависимая переменная была номинальной и принимала значения: 1 – «высокий сервисный класс»; 2 – «низкий сервисный класс»; 3 – «владельцы небольших предприятий»; 4 – «рабочие». В качестве референтной категории использован вариант ответа 4 («рабочие»). Таким образом, было проанализировано, какими характеристиками обладают индивиды, которые достигли более высокого социально-профессионального статуса по сравнению с теми, кто оказался в группе «рабочие». В анализ образования и социально-экономического статуса включены и другие социально-демографические характеристики («контрольные переменные»): проживание в сельской местности (бинарная переменная, где 1 означает проживание в сельской местности, 0 – в городской); принадлежность к этническому меньшинству (бинарная переменная, где 1 означает принадлежность к этническому меньшинству, 0 – принадлежность к этническому большинству), когорта («1954–1964 г.р.», «1965–1975 г.р.» (референтная), «1976–1986 г.р.»). При рассмотрении социально-профессионального статуса также контролировалось наличие у индивида высшего образования.

## Высшее образование и социально-профессиональный статус: интерсекциональный анализ

**Уровень образования: высшее образование.** Результаты показывают, что у выходцев из семей рабочих шансы получить высшее образование по сравнению с выходцами из семей, где отец либо мать имеет более высокий социально-профессиональный статус, существенно ниже. Как и ожидалось, женщины имеют больше шансов получить высшее образование по сравнению с мужчинами (табл. 1). Так, вероятность получить высшее образование для выходцев из рабочих семей ниже на 22 или 21% (в зависимости от спецификации социального происхождения), по сравнению с выходцами из семей не рабочих, и на 8–10% выше для женщин сравнительно с мужчинами (см. столбец 3). Однако результаты нашего анализа показывают отсутствие кумулятивных эффектов от происхождения и гендера. Следовательно, мы не можем полностью принять нашу первую гипотезу о том, что женщины более низкого социального происхождения имеют больше шансов получить высшее образование, чем мужчины с более низким социальным происхождением.

Таблица 1

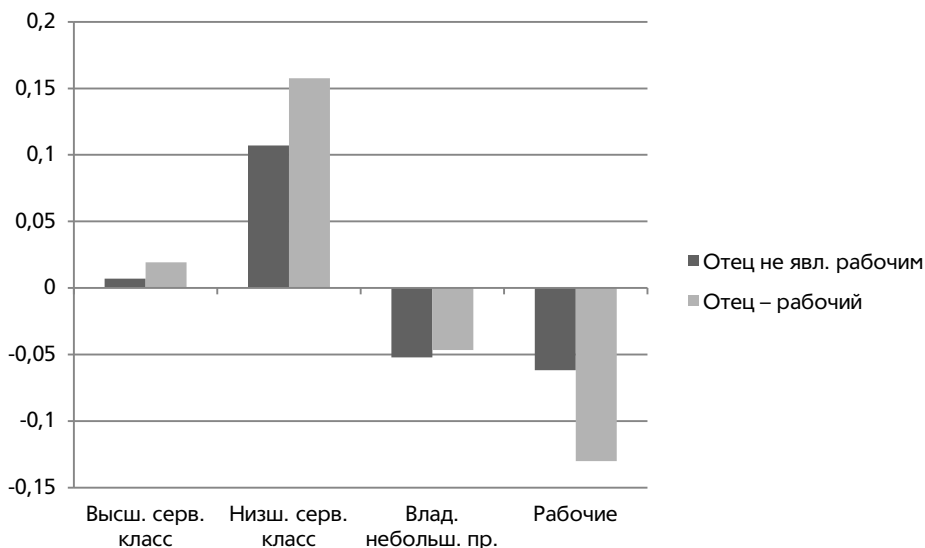
Высшее образование (пробит-анализ,  $N = 3820$ )

| Переменные                           | Pr(dy/dx)                          |                                      |
|--------------------------------------|------------------------------------|--------------------------------------|
|                                      | спецификация «профессия отца» (ПО) | спецификация «профессия матери» (ПМ) |
| Отец/мать рабочий(-ая)               | –0,22*** (0,03)                    | –0,21*** (0,02)                      |
| Пол (1 – женский)                    | 0,08** (0,03)                      | 0,10*** (0,02)                       |
| Интеракция ж. пол*соц. происхождение | 0,02 (0,04)                        | –0,01 (0,04)                         |
| <i>Контрольные переменные</i>        |                                    |                                      |
| Когорта 1                            | 0,13*** (0,03)                     | 0,13*** (0,03)                       |
| Когорта 3                            | –0,09*** (0,03)                    | –0,09*** (0,03)                      |
| Село                                 | –0,17*** (0,02)                    | –0,16*** (0,02)                      |
| Возраст (лет)                        | –0,02*** (0,00)                    | –0,02*** (0,01)                      |
| Этническое меньшинство               | 0,05** (0,02)                      | 0,06** (0,02)                        |
| Nagelkerke $R^2$                     | 0,12                               | 0,14                                 |

*Примечания.* Уровень значимости \* $p < 0,1$ , \*\* $p < 0,05$ , \*\*\* $p < 0,01$ ; в скобках – стандартные ошибки (ст. ош.). Pr(dy/dx) – оценки предельных эффектов (рост вероятности получить высшее образование, если бинарная переменная примет значение 1 (при прочих равных)). Референтные группы: когорта – когорта 2; пол – мужской; социально-профессиональный статус отца – отец не рабочий; село – проживает в городе; этническое меньшинство – не принадлежит к этническому меньшинству.

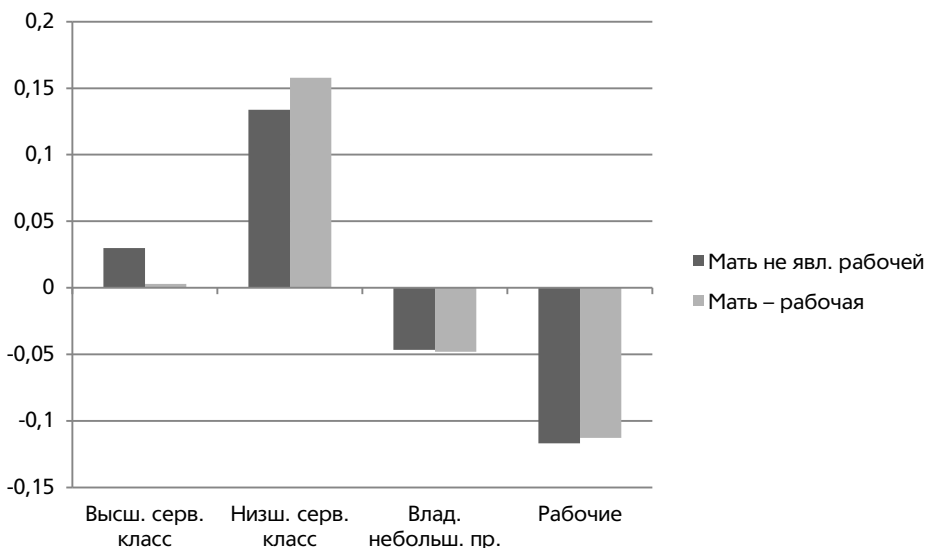
**Социально-профессиональный статус.** Результаты регрессионного анализа показывают, что женщины в целом имеют больше шансов попасть в группу «высокий сервисный класс» и «низкий сервисный класс», по сравнению с мужчинами, в то время как шансы попадания мужчин в группу «владельцев небольших предприятий» выше, по сравнению с женщинами. Аналогично анализу полученного уровня образования, наблюдается негативный эффект от более низкого профессионального статуса отца («отец – рабочий») или матери. Вероятность попасть в группу «владельцев небольших предприятий» во многом определяются полом (мужским), а не социальным происхождением. При этом для группы «высокий сервисный класс» – социальным происхождением. Для этих групп эффект интерсекциональности от интеракции между полом и социальным происхождением статистически не значим. В случае, если социальное происхождение оценивается на основе профессии матери, эффект от интеракции переменных «женский пол» и «мать – рабочая» отрицательный, хотя и не значимый.

Выявлены различия в шансах мужчин и женщин с разным социальным происхождением (рис. 1 и 2). Наблюдается кумулятивный эффект от пола и принадлежности отца к группе «рабочие». Так, женщины из семей рабочих по сравнению с мужчинами имеют больше шансов попасть в группу «низкий сервисный класс», а не в группу «рабочие».



**Рис. 1.** Предельный эффект женского пола на достигнутый социально-профессиональный статус в зависимости от социального происхождения (спецификация «профессия отца»)

Источник: ЕСИ 2002–2016, собственные подсчеты. По оси X представлены категории социально-профессионального статуса, по оси Y – предельный эффект.



**Рис. 2.** Предельный эффект женского пола на достигнутый социально-профессиональный статус в зависимости от социального происхождения (спецификация «профессия матери»)

Источник: ЕСИ 2002–2016, собственные подсчеты. По оси X представлены категории социально-профессионального статуса, по оси Y – предельный эффект.

Этот эффект положителен и значим, если социальное происхождение оценивается на основе профессии отца, и положителен, но не значим, если оно оценивается на основе профессии матери (табл. 2). Дополнительный анализ предельных эффектов (рис. 1 и 2) показывает результаты модели с интеракционным эффектом более наглядно. Женщины – выходцы из рабочих семей достигают более высокого социально-профессионального статуса, чем мужчины (табл. 2, рис. 1 и 2). Это частично подтверждает вторую гипотезу данного исследования.

Таблица 2

Результаты мультиномиальной регрессии по социально-профессиональному статусу ( $N = 3820$ )

| Спецификация                              | Высокий сервисный класс |                    | Низкий сервисный класс |                    | Владелец небольшого предприятия |                    |
|-------------------------------------------|-------------------------|--------------------|------------------------|--------------------|---------------------------------|--------------------|
|                                           | ПМ                      | ПО                 | ПМ                     | ПО                 | ПМ                              | ПО                 |
|                                           | <i>B</i>                | <i>B</i>           | <i>B</i>               | <i>B</i>           | <i>B</i>                        | <i>B</i>           |
| Отец/мать рабочий(-ая)                    | -0,52***<br>(0,18)      | -0,58***<br>(0,18) | -0,40**<br>(0,17)      | -0,66***<br>(0,19) | -0,09<br>(0,22)                 | -0,31<br>(0,02)    |
| Пол (1 – женский)                         | 0,53***<br>(0,16)       | 0,24<br>(0,20)     | 0,99***<br>(0,16)      | 0,68***<br>(0,20)  | -0,52**<br>(0,25)               | -0,65**<br>(0,32)  |
| Интеракция женский пол*соц. происхождение | -0,20<br>(0,23)         | 0,25<br>(0,25)     | 0,16<br>(0,22)         | 0,54**<br>(0,24)   | -0,01<br>(0,33)                 | 0,16<br>(0,37)     |
| <i>Контрольные переменные</i>             |                         |                    |                        |                    |                                 |                    |
| Когорта 1                                 | -0,34*<br>(0,19)        | -0,37*<br>(0,19)   | 0,01<br>(0,17)         | -0,01<br>(0,17)    | -0,25<br>(0,26)                 | -0,24<br>(0,26)    |
| Когорта 3                                 | 0,05<br>(0,18)          | -0,08<br>(0,18)    | 0,03<br>(0,16)         | -0,04<br>(0,16)    | -0,17<br>(0,26)                 | -0,17<br>(0,26)    |
| Есть высшее образование                   | 3,10***<br>(0,16)       | 3,14***<br>(0,16)  | 1,16***<br>(0,11)      | 1,16***<br>(0,11)  | 0,76***<br>(0,17)               | 0,75***<br>(0,17)  |
| Село                                      | -0,23<br>(0,16)         | -0,25<br>(0,16)    | -0,40***<br>(0,13)     | -0,40***<br>(0,13) | -0,28<br>(0,21)                 | -0,27<br>(0,21)    |
| Возраст                                   | 0,04***<br>(0,01)       | 0,04***<br>(0,01)  | 0,01<br>(0,01)         | 0,01<br>(0,01)     | 0,01<br>(0,01)                  | 0,01<br>(0,01)     |
| Этническое меньшинство                    | -0,01<br>(0,16)         | -0,53<br>(0,16)    | -0,04<br>(0,15)        | -0,06<br>(0,15)    | 0,66***<br>(0,19)               | 0,66**<br>(0,19)   |
| Константа                                 | -4,27***<br>0,60        | -4,12***<br>(0,59) | -1,96***<br>(0,5)      | -167**<br>(0,51)   | -2,44***<br>(0,78)              | -2,23***<br>(0,79) |
| Nagelkerke                                |                         |                    |                        |                    | 0,32                            | 0,32               |

*Примечания.* Уровень значимости \* $p < 0,1$ , \*\* $p < 0,05$ , \*\*\* $p < 0,01$ ; *B* – логит-коэффициенты; ст. ош. представлены в скобках. Референтные группы: когорта – когорта 2; пол – мужской; социально-профессиональный статус отца – отец не рабочий; образование – нет высшего образования; село – проживает в городе; этническое меньшинство – не принадлежит к этническому меньшинству.

**Закключение.** Анализ выявил наличие эффектов от пересечения социальных преимуществ внутри групп по гендеру и по происхождению только в случае социально-профессионального статуса, измеренного на основе профессии отца, но не в случае уровня образования. Это частично подтверждает гипотезы, сформулированные на основе теории интерсекциональности. Полученные результаты показывают, что женщины с более низким социальным происхождением по сравнению с мужчинами с таким происхождением имеют больше шансов оказаться в группах с более высоким социально-профессиональным

статусом. Мы видим, что женщины – выходцы из семей рабочих, скорее всего, присоединятся к работникам расширяющейся сферы услуг, хотя и к более низкому ее сегменту. В то же время мужчины из таких семей останутся в группе «рабочих», даже при наличии у них высшего образования.

Результаты, полученные с разными спецификациями социального происхождения, представляют большой интерес для дальнейших исследований. Общепринятое в зарубежной литературе представление об «отце-добытчике», профессиональный статус которого определяет социально-классовую принадлежность домохозяйства, не всегда соответствует российским реалиям. В российских семьях муж может являться рабочим, а жена – представительницей профессий, требующих более высокого уровня квалификации (медсестра, учитель и т.д.). Возможно, матери служат культурным образцом для своих дочерей, которые «наследуют» их профессии. Тем не менее мы видим, что положительный эффект от интеракции женского пола и более низкого социального происхождения наблюдается и в альтернативной спецификации («мать – рабочая»), хотя он и не значим.

Кроме того, анализ показал, что имеются прямые положительные эффекты от гендера (вне зависимости от типа спецификации социального происхождения). Другими словами, наблюдается прямой эффект от женского пола, который не взаимодействует с эффектом от социального происхождения. Таким образом, женщины в большей степени выигрывают от открывшихся в пореформенные десятилетия возможностей в сфере образования и в сервисных секторах, по сравнению с мужчинами, что в целом соответствует результатам предыдущих исследований [Kyu, 2016].

Однако интерпретировать полученные результаты необходимо с осторожностью. Женщины оказываются в более выгодной ситуации на рынке труда по сравнению с мужчинами, занимая позиции, которые требуют более высокого уровня квалификации. Наблюдаемые эффекты могут говорить и о том, что эти женщины с высокой долей вероятности пополняют ряды «нового сервисного пролетариата», несмотря на наличие у них высшего образования [Esping-Andersen, 1993]. Эта интерпретация кажется убедительной, поскольку к группе «низкий сервисный класс» относятся учителя, медсестры, техники, инспекторы полиции и другие относительно низкооплачиваемые профессии.

Наш анализ не выявил наличие кумулятивных эффектов от происхождения и пола в случае уровня образования. Таким образом, и пол, и социальное происхождение остаются значимыми факторами получения высшего образования, что соответствует результатам, полученным в предыдущих исследованиях [Gerber, Hout, 2004; Константиновский и др., 2014; Ястребов, 2016]. Другими словами, женщины, а также выходцы из более привилегированных социальных слоев с большей вероятностью будут иметь высшее образование по сравнению с мужчинами и выходцами из менее привилегированных социальных слоев. Возможная интерпретация этого с точки зрения концепции о максимально поддерживаемом неравенстве может быть следующей. Среди женщин из наиболее привилегированных социальных слоев еще не был достигнут уровень насыщения, чтобы открылись каналы мобильности для женщин из менее привилегированных семей (см.: [Bar-Haim et al., 2018]). Однако для более точной интерпретации необходим дополнительный анализ гендерных и классовых эффектов в образовании с учетом специальности и типа вуза.

Мы можем наблюдать сглаживание вертикальной сегрегации в сфере образования и занятости, но наши результаты позволяют сделать предположения о росте горизонтальной сегрегации. Как отмечают Сегуино и Браунштайн, «процессы, которые вносят вклад в рост гендерного неравенства на рынке труда, также могут способствовать росту социального неравенства» [Seguino, Braunstein, 2018: 981]. Объяснение этому – природа гендерной сегрегации по профессиям и отраслям. Работодатели могут сегрегировать работников на основании гендера, расовой принадлежности или возраста с целью повышения прибыли. Это негативно сказывается на уровне солидарности работников и их рыночной власти. В условиях сегрегации мужчины с меньшей вероятностью будут требовать более высокой оплаты труда, опасаясь, что их переведут на должности с менее привлекательными

условиями, которые занимают женщины [Seguino, Braunstein, 2018: 981]. Как результат, ограничение доступа женщин к более привлекательным рабочим местам снижает долю труда в распределяемом доходе и повышает долю капитала. То есть доля труда снижается, поскольку рост производительности труда опережает рост заработных плат [там же]. Здесь мы не имеем возможности рассмотреть процессы горизонтальной гендерной сегрегации в образовании и на рынке труда более подробно. Этот важный аспект требует дальнейшего анализа.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Рабочий класс в России: поиск новых векторов дифференциации // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 54–65.
- Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 537–545.
- Зубаревич Н.В. Региональные рынки труда России: сходство непохожих // Демоскоп Weekly. 2008. № 338. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0337/tema04.php> (дата обращения: 01.02.2019).
- Темкина А., Здравомыслова Е. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 15–38.
- Капелюшников Р.И. Эволюция человеческого капитала в России: 1990–2000-е годы // Российский работник: образование, профессия, квалификация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 22–148.
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014.
- Мальцева И.В., Рошин С.Ю. Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Уокер Ч. Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 4. С. 521–538.
- Ястребов Г.А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I // Мир России. 2016. Т. 25. № 1. С. 7–34.
- Bar-Haim E., Blank C., Rotman A. Taking their Place: Educational Expansion and Inequality of Educational Opportunities – A Gendered Perspective // Higher Education Policy. 2018. Vol. 1. P. 1–23.
- Bernardi F., Hertel F.R., Yastrebov G.A. U-turn in Inequality of College Attainment by Parental Education in the US? // Research in Social Stratification and Mobility. 2018. No. 58. P. 33–43.
- Blau P.M., Duncan O.D. The American Occupational Structure. New York: John Wiley & Sons, 1967.
- Blossfeld H.-P., Skopek J., Triventi M., Buchholz S. (eds) Gender, Education and Employment. An International Comparison of School-to-work Transitions. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2015.
- Borisov G., Pissarides C.A. The Intergenerational Transmission of Human Capital and Earnings in Contemporary Russia // IZA Working Paper, 2016.
- Bryin M., Perales F. Gender Wage Inequality: The De-gendering of the Occupational Structure // European Sociological Review. 2016. Vol. 32. No. 1. P. 162–174.
- Cho S., Crenshaw K.W., McCall L. Toward a Field of Intersectionality Studies: Theory, Applications, and Praxis // Signs. 2013. Vol. 38. No. 4. P. 785–810.
- DiPrete T.A., Buchmann C. Rise of Women: The Growing Gender Gap in Education and What It Means for American Schools. New York: Russell Sage Foundation, 2013.
- Dubrow J.K. How Can We Account for Intersectionality in Quantitative Analysis of Survey Data? Empirical Illustrations for Central and Eastern Europe // ASK. 2008. No. 17. P. 85–100.
- Engzell P., Jonsson J.O. Estimating Social and Ethnic Inequality in School Surveys: Biases from Child Misreporting and Parent Nonresponse // European Sociological Review. 2015. Vol. 31. No. 3. P. 312–325.
- Esping-Andersen G. (ed.) Changing Classes. Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies. London: Sage, 1993.
- Gerber T.P., Hout M. Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // American Sociological Review. 2004. Vol. 69. No. 5. P. 677–703.
- Grusky D.B. (ed.). Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. 2<sup>nd</sup> ed. Boulder, CO: Westview Press, 2001.
- Guy M., Newman M. Women's Jobs, Men's Jobs: Sex Segregation and Emotional Labor // Public Administration Review. 2004. No. 64. P. 289–298.

- Kosyakova Y., Gerber T.P. Adult Education, Stratification, and Regime Change: Upgrading and Sidestepping in Russia, 1965–2005 // *Sociology of Education*. 2019. Vol. 92. No. 2. P. 124–149.
- Kyui N. Expansion of Higher Education, Employment and Wages: Evidence from the Russian Transition. *Labour Economics*. 2016. No. 39. P. 68–87.
- Minello A., Blossfeld H.-P. From Parents to Children: the Impact of Mothers' and Fathers' Educational Attainments on those of their Sons and Daughters in West Germany // *British Journal of Sociology of Education*. 2017. Vol. 38. No. 5. P. 686–704.
- Oesch D. Coming to Grips with a Changing Class Structure: An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland // *International Sociology*. 2006. Vol. 21. No. 2. P. 263–288.
- Raftery A.E., Hout M. Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–75 // *Sociology of Education*. 1993. Vol. 66. No. 1. P. 41–62.
- Samman E., Roche J.M. (eds) Group Inequality and Intersectionality. *E-Bulletin of the Human Development & Capability Association*. 2014. No. 24.
- Seguino S., Braunstein E. The Costs of Exclusion: Gender Job Segregation, Structural Change and the Labour Share of Income // *Development and Change* 2018. Vol. 50. No. 4. P. 976–1008.
- Tartakovskaya I., Ashwin S. Who Benefits from Networks? // *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behaviour* / Ed. by S. Ashwin. London: Routledge, 2006. P. 164–192.
- Vanke A. Masculinities, Bodies and Subjectivities: Working-Class Men Negotiating Russia's Post-Soviet Gender Order // *Masculinity, Labour and Neoliberalism: Working-Class Men in International Perspective* / Ed. by Ch. Walker, S. Roberts. London: Palgrave MacMillan, 2018. P. 195–218.
- van Hek M., Kraaykamp G., Wolbers M.H.J. Comparing the Gender Gap in Educational Attainment: The Impact of Emancipatory Contexts in 33 Cohorts across 33 Countries // *Educational Research and Evaluation* 2016. Vol. 22. No. 5-6. P. 260–282.
- Walby S., Armstrong J., Strid S. Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory // *Sociology*. 2012. Vol. 46. No. 2. P. 224–240.
- Walker C., Roberts S. Masculinity, Labour and Neoliberalism: Reviewing the Field // *Masculinity, Labour and Neoliberalism: Working-Class Men in International Perspective* / Ed. by Ch. Walker, S. Roberts. London: Palgrave MacMillan, 2018. P. 1–28.
- Weldon S.L. The Structure of Intersectionality: A Comparative Politics of Gender // *Politics & Gender*. 2006. Vol. 2. No. 2. P. 235–248.
- Western M., Wright E.O. The Permeability of Class Boundaries to Intergenerational Mobility among Men in the United States, Canada, Norway, and Sweden // *American Sociological Review*. 1994. No. 59. P. 606–629.
- Wilson J.A., Zozula C., Gove W.R. Age, Period, Cohort and Educational Attainment: The Importance of Considering Gender // *Social Science Research*. 2011. No. 40. P. 136–149.

Статья поступила: 29.08.19. Финальная версия: 12.02.20. Принята к публикации: 17.02. 20.

## HIGHER EDUCATION AND SOCIO-PROFESSIONAL STATUS: MITIGATION OF GENDER INEQUALITIES IN RUSSIA

KARMAEVA N.N.\*, KHAVENSON T.E.\*, ILIEVA-TRICHKOVA P.\*\*

\*Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Russia; \*\*Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Natalia N. KARMAEVA, Ph.D, Docent, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (nkarmaeva@hse.ru); Tatjana E. KHAVENSON, Ph.D, Researcher, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (tkhavenson@hse.ru); Petya ILIEVA-TRICHKOVA – Doctor, Researcher, Institute for Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria (petya.ilievat@gmail.com).

**Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project “5–100”; project “Dynamics of inequalities in participation in higher and adult education: A comparative social justice perspective” – JustEdu (2020–2024), funded by the National Science Programme Vihren of the National Science Fund (No. KP-06-DV-2, 16.12.2019), Bulgaria.

The authors would like to thank the editor and the reviewers who kindly reviewed the earlier version of this manuscript and provided valuable suggestions and comments.

**Abstract.** As the situation in education and labour market is changing in Russia, characterized by the expansion of services sectors and high participation in higher education, the mechanisms of social inequality reproduction are evolving. According to the intersectionality theory, social advantages and disadvantages are reproduced at the intersection of various social categories – social class, gender and others. In the paper, the outcomes of individuals in education and in the labour market representing three cohorts, born in 1954–1964, 1965–1975 and 1976–1986, were analyzed. Using the data provided by the European Social Survey, rounds 3–6 and 8, the hypotheses about the presence of cumulative effect from the intersection of gender and social class were tested. The results partially confirm the formulated hypotheses in case of achieved socio-professional status, but not in case of achieved higher education. 1) Women have more chances than men to obtain higher education; 2) women from families where fathers were workers have more chances than men from such families to move to the group “lower services class”. The latter positive effect is observed in case social class is specified based on mother’s profession; however, it is not significant. Therefore, women are likely to benefit most from the recent changes in education and labour market, compared to men. However, women are likely to find themselves in less prestigious and less paid segments of the services sector, despite the fact that their jobs require more skills.

**Keywords:** socio-professional status, intersectionality theory, educational achievements, social inequality, post-soviet transformation, European Social Survey.

## REFERENCES

- Andreeva J.V., Lukyanova E.L. (2018) Working Class in Search of New Dimensions of Differentiation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 54–65. (In Russ.)
- Bar-Haim E., Blank C., Rotman A. (2018) Taking Their Place: Educational Expansion and Inequality of Educational Opportunities – A Gendered Perspective. *Higher Education Policy*. Vol. 1: 1–23.
- Bekker G.S. (2003) *Human Behavior: Economic Approach*. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Bernardi F., Hertel F.R., Yastrebov G. (2018) U-turn in Inequality of College Attainment by Parental Education in the US? *Research in Social Stratification and Mobility*. No. 58: 33–43.
- Blau P.M., Duncan O.D. (1967) *The American Occupational Structure*. New York: John Wiley & Sons.
- Blossfeld H.-P., Skopek J., Triventi M., Buchholz S. (eds) (2015) *Gender, Education and Employment. An International Comparison of School-to-work Transitions*. Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Borisov G., Pissarides C.A. (2016) *The Intergenerational Transmission of Human Capital and Earnings in Contemporary Russia*. IZA Working Paper.
- Bryin M., Perales F. (2016) Gender Wage Inequality: The De-gendering of the Occupational Structure. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 1: 162–174.
- Cho S., Crenshaw K.W., McCall L. (2013) Toward a Field of Intersectionality Studies: Theory, Applications, and Praxis. *Signs*. Vol. 38. No. 4: 785–810.
- DiPrete T.A., Buchmann C. (2013) *Rise of Women: The Growing Gender Gap in Education and What It Means for American Schools*. New York: Russell Sage Foundation.
- Dubrow J.K. (2008) How Can We Account for Intersectionality in Quantitative Analysis of Survey Data? Empirical Illustrations for Central and Eastern Europe. *ASK*. No. 17: 85–100.
- Engzell P., Jonsson J.O. (2015) Estimating Social and Ethnic Inequality in School Surveys: Biases from Child Misreporting and Parent Nonresponse. *European Sociological Review*. Vol. 31. No. 3: 312–325.
- Esping-Andersen G. (ed.) (1993) *Changing Classes. Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies*. London: Sage.
- Gavriluk T., Bocharov V. (2018) Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 3: 537–545. (In Russ.)
- Gerber T.P., Hout M. (2004) Tightening up: Declining Class Mobility during Russia’s Market Transition. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5: 677–703.
- Grusky D.B. (ed.) (2001) *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2<sup>nd</sup> ed. Boulder, CO: Westview Press.
- Guy M., Newman M. (2004) Women’s Jobs, Men’s Jobs: Sex Segregation and Emotional Labor. *Public Administration Review*. No. 64: 289–298.
- Kapelyushnikov R.I. (2011) Evolution of Human Capital in Russia: 1990–2000. In: Gimpelson R.V., Kapelyushnikov R.I. (eds) *Russian Employee: Education, Occupation, Qualification*. Moscow: HSE Publishing House: 22–148.
- Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. (2014) *Youth in Russia at the Turn of 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> Centuries: Education, Work, Social Wellbeing*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Kosyakova Y., Gerber T.P. (2019) Adult Education, Stratification, and Regime Change: Upgrading and Sidestepping in Russia, 1965–2005. *Sociology of Education*. Vol. 92. No. 2: 124–149.

- Kyui N. (2016) Expansion of Higher Education, Employment and Wages: Evidence from the Russian Transition. *Labour Economics*. No. 39: 68–87.
- Maltseva I.V., Roschin S.Y. (2006) *Gender Segregation and Employment Mobility in the Russian Labour Market*. Moscow: GU-VSHE. (In Russ.)
- Minello A., Blossfeld H.-P. (2017) From Parents to Children: the Impact of Mothers' and Fathers' Educational Attainments on those of their Sons and Daughters in West Germany. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 38. No. 5: 686–704.
- Oesch D. (2006) Coming to Grips with a Changing Class Structure: An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. *International Sociology*. Vol. 21. No. 2: 263–288.
- Raftery A.E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–75. *Sociology of Education*. Vol. 66. No. 1: 41–62.
- Samman E., Roche J.M. (eds) (2014) Group Inequality and Intersectionality. *E-Bulletin of the Human Development & Capability Association*. No. 24.
- Seguino S., Braunstein E. (2018) The Costs of Exclusion: Gender Job Segregation, Structural Change and the Labour Share of Income. *Development and Change*. Vol. 50. No. 4: 976–1008.
- Tartakovskaya I., Ashwin S. (2006) Who Benefits from Networks? In: Ashwin S. (ed.) *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behaviour*. London: Routledge: 164–192.
- Temkina A.A., Zdravomyslova E.A. (2017) Intersectional Turn in Gender Studies. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20. No. 5: 15–38. (In Russ.)
- Vanke A. (2018) Masculinities, Bodies and Subjectivities: Working-Class Men Negotiating Russia's Post-Soviet Gender Order. In: Walker Ch., Roberts S. (eds) *Masculinity, Labour and Neoliberalism: Working-Class Men in International Perspective*. London: Palgrave MacMillan: 195–218.
- van Hek M., Kraaykamp G., Wolbers M.H.J. (2016) Comparing the Gender Gap in Educational Attainment: The Impact of Emancipatory Contexts in 33 Cohorts across 33 Countries. *Educational Research and Evaluation*. Vol. 22. No. 5–6: 260–282.
- Walby S., Armstrong J., Strid S. (2012) Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*. Vol. 46. No. 2: 224–240.
- Walker Ch. (2012) Class, Gender and Subjective Well-being in Russia's New Labour Market: Experiences of Young People in Ul'ianovsk and St. Petersburg. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 10. No. 4: 521–538. (In Russ.)
- Walker C., Roberts S. (2018) Masculinity, Labour and Neoliberalism: Reviewing the Field. In: Walker Ch., Roberts S. (eds) *Masculinity, Labour and Neoliberalism: Working-Class Men in International Perspective*. London: Palgrave MacMillan: 1–28.
- Weldon S.L. (2006) The Structure of Intersectionality: A Comparative Politics of Gender. *Politics & Gender*. Vol. 2. No. 2: 235–248.
- Wilson J.A., Zozula C., Gove W.R. (2011) Age, Period, Cohort and Educational Attainment: The Importance of Considering Gender. *Social Science Research*. No. 40: 136–149.
- Western M., Wright E.O. (1994) The Permeability of Class Boundaries to Intergenerational Mobility among Men in the United States, Canada, Norway, and Sweden. *American Sociological Review*. No. 59: 606–629.
- Yastrebov G. (2016) Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: Part 1. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 1(25): 7–34. (In Russ.)
- Zubarevitch N.V. (2008) Regional Labour Markets: Similarity of the Different. *Demoscope Weekly*. No. 338. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0337/tema04.php> (accessed: 01.02.2019). (In Russ.)

Received: 29.08.19. Final version: 12.02.20. Accepted: 17.02.20.